

ШЁЛК, БАРХАТ И АТЛАС (ОБРАЗЫ ТКАНЕЙ В СИСТЕМЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ)

Е. В. Огольцева

Московский педагогический государственный университет
(г. Москва, Россия)

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые сравнения и другие компаративные единицы русского языка, в которых в качестве образной основы выступают наименования тканей: «шёлк», «бархат» и «атлас». Автор анализирует все возможные признаки-основания компаративных структур с этими компонентами, выявляет типические речевые ситуации, в которых устойчивые сравнения как шёлк, как бархат и как атлас могут быть квалифицированы как синонимы. С другой стороны, исследуются семантические особенности каждой из сопоставляемых конструкций. Анализ многочисленных контекстов, извлечённых из Национального корпуса русского языка, показал, что «шёлк» – это прежде всего образ нежных, тонких волос, а также нравственных качеств человека: покорности, смирения, послушания; посредством образа «атлас» чаще всего характеризуется гладкая, нежная, эластичная кожа человека или лоснящаяся, гладкая шерсть животного; образ «бархат» выражает свойства любой ровной поверхности («мягкая», «нежная», «приятная на ощупь», как правило, «ворсистая»), а также характеризует приятный, мягкий тембр человеческого голоса либо музыкального инструмента. Параллельно рассматриваются структурные и семантические особенности компаративных структур других моделей, в частности, «как (словно, точно, будто) + относительное прилагательное». В результате проведённого анализа доказана непосредственная зависимость прагматических свойств образных компаративных единиц от двух главных факторов: 1) тонкие семантические нюансы слова, выступающего в качестве образа сравнения; 2) способ выражения образа сравнения, а, следовательно, та структурно-семантическая модель, в рамках которой реализуется акт сравнения. Варьирование воспроизводимых компаративных моделей, в которых реализуется коммуникативно-прагматический потенциал одного и того же образа-субстанции, – закономерность языковой образной системы, обеспечивающая её динамику.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, компаративная структура, образ сравнения, основание сравнения, синонимия, контекст, коммуникативно-прагматический потенциал, структурно-семантическая модель сравнения, образное гнездо.

SILK, VELVET AND SATIN (IMAGES OF FABRICS IN THE SYSTEM OF STABLE COMPARISONS)

E. V. Ogoltseva

Moscow State University of Education
(Moscow, Russia)

Abstract. The article considers stable comparisons and other comparative units of the Russian language, in which the names of fabrics "silk", "velvet" and "satin" serve as a figurative basis. The author analyzes all possible features-bases of comparative structures with these components, identifies typical speech situations in which stable comparisons "like silk", "like velvet", and "like satin" can be qualified as

synonyms. On the other hand, the article investigates semantic features of each of the compared constructions. Analysis of numerous contexts extracted from the National corpus of the Russian language has shown that "silk" is primarily an image of soft, thin hair, as well as of moral qualities of a person: submission, humility, obedience. The image of "satin" often characterizes smooth, soft, elastic human skin or glossy, smooth, animal hair. The image "velvet" expresses the properties of any flat surface ("soft", "gentle", "pleasant to the touch", as a rule, "fleecy") and characterizes a pleasant, soft timbre of a human voice or musical instrument. At the same time the authors consider the structural and semantic features of the comparative structures of other models, in particular, "as (as if, exactly) + relative adjective". As a result of the analysis, the direct dependence of the pragmatic properties of figurative comparative units on two main factors is proved: 1) the subtle semantic nuances of the word that acts as a comparison image; 2) the way to express the comparison image, and therefore, the structural and semantic model within which the comparison act is implemented. Variation of reproducible comparative models in which the communicative and pragmatic potential of the same image-substance is realized is a regularity of the language image system that ensures its dynamics.

Keywords: *stable comparison, comparative structure, image of comparison, basis of comparison, synonymy, context, communicative and pragmatic potential, structural and semantic model of comparison, nest of images.*

Семантика и функционирование устойчивых компаративных единиц, в структуре которых в качестве компонента **В** (образа сравнения) выступают наименования тканей, ещё не становились объектом специального анализа. В рамках настоящей статьи мы рассмотрим устойчивые сравнения (далее УС) как *шёлк*, как *бархат* и как *атлас*. Все три сравнения употребляются также с другими показателями компаративных отношений – с союзами *словно*, *точно* и *будто*. Нетрудно заметить глубокое семантическое родство рассматриваемых нами образов. Собственно, существительное *шёлк* может быть квалифицировано как своего рода гипероним по отношению к словам *атлас* и *бархат*, поскольку последние, по существу, разновидности шёлка: ШЁЛК '1. Вещество, выделяемое гусеницами тутового шелкопряда и загустевающее на воздухе в виде тонких нитей; 2. Пряжа, нитки из такого вещества или из искусственного, синтетического волокна; 3. Ткань из такой пряжи, таких ниток или из искусственного, синтетического волокна' [13, т. 4, с. 708]; АТЛАС 'Сорт плотной шёлковой ткани с гладкой, блестящей лицевой стороной (от араб. atlas – гладкий).' [13, т. 4, с. 50]; БАРХАТ 'Ткань (обычно шёлковая) с мягким, низко стриженный густым ворсом на лицевой стороне' [13, т. 4, с. 63]. Образно-метафорическое значение МАС выделяет только у «родового» наименования – существительного *шёлк*: 'то, что мягкостью, блеском напоминает такие нитки или ткань' (шёлк травы, шёлк кудрей) и 'О человеке с мягким, покладистым характером' [13, т. 4, с. 708]. Интересно проследить, как влияет это явное семантическое родство (и *атлас*, и *бархат* – ткани на основе шёлка) на функционирование устойчивых сравнений. Возможны ли речевые ситуации, в которых эти компаративные единицы выступают как синонимичные? Каковы нюансы употребления, различающие данные компаративные конструкции?

Анализируя устойчивые представления, связанные в коллективном языковом сознании с шёлком, атласом и бархатом, мы коснёмся также специфики компаративных единиц других структурных моделей. Это прежде всего конструкции с именами прилагательными в качестве образной основы: *как (словно, точно) шелковый, словно (точно, будто) бархатный*. Отсубстантивные прилагательные, выступающие в качестве компонентов устойчивых сравнений анализируемых моделей, образованы с помощью суффиксов *-н* и *-ов* и характеризуются словообразовательным значением «сделанный из материала, названного производящей основой» [12, с. 272, 278–280]. Принадлежность этих прилагательных к одной словообразовательной категории во многом предопределяет сходство их функционирования в составе устойчивых сравнений (далее УС). В отличие от УС основной (прототипической) модели «как (словно, точно, будто) + существительное в

им.п.», сравнения с субстантивированным прилагательным характеризуются принципиально иным способом образного уподобления: предмет **А** сравнивается не с неким понятием **В**, причём с понятием иного рода, иного семантического класса, а с тем же предметом, но представленным в «преобразованном» виде: *как шёлковые* (волосы, кожа человека и т.д.) – значит «как если бы это были волосы или кожа, сделанные из шёлка». Интересно проследить связь этой внутренней формы с актуальными значениями УС: 'Мягкий, нежный. О волосах, коже человека, шерсти животного, о волокне, материале, предмете; 2. Перен. Покорный, послушный, покладистый; вести себя – покорно, послушно. О человеке, реже о животном' [8, с. 774].

При первом, поверхностном взгляде может показаться, что пары типы *как шёлк* – *как шёлковый* – абсолютные синонимы. Однако семантика УС с компонентами-прилагательными имеет свои особенности, выявить которые можно только посредством анализа большого количества контекстов употребления этих единиц. Подобное варьирование языковых компаративных моделей, реализующих коммуникативно-прагматический потенциал одного и того же образа, – закономерность образной системы языка, обеспечивающая её развитие. По справедливому замечанию Н. В. Черемисиной, «неподвижная система симметрична, эволюционирующая – всегда включает нечто новое, некие ВАРИАНТЫ <...> Варьирование, всегда связанное с выражением новых смыслов (жанровых, образно-характеристических, словесных, фразеологических и т.п.) есть победа семантики над формой <...>». [16, с. 62] Проследим специфику употребления УС *как шёлк* и *как шёлковый*, опираясь на материалы Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ).

Согласно Словарю устойчивых сравнений русского языка, УС *как шёлк* употребляется в двух созначениях¹: '1.1. Мягкий, нежный. О волосах человека. <...> 1.2. Мягкий, нежный. О коже, шерсти, волокне, материале' [8, с. 773]. Анализ материалов НКРЯ подтвердил, что первое созначение УС *как шёлк* занимает лидирующую позицию в художественных, рекламных, публицистических текстах: это сравнение употребляется главным образом по отношению к нежным и мягким волосам (чаще это не черные, а светлые волосы – светло-русые, белые, желтоватые, золотистые, серебристые): *От щёлка золотые волосы Арсения становились мягкими, как шёлк* (Е. Водолазкин. «Лавр»); *В этой избе только и было двое обитателей: Паусий Логинич – согбённый старец, с маленьким, сухощавым лицом, словно бы оно было вылито из желтовато-белого воску, и с большой лысиной, которую обрамляли длинные серебряные и мягкие как шёлк волосы, неволнисто падавшие ему на узкие, иссохшие плечи.* (В. В. Крестовский. «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных»); *Представьте себе томные голубые глаза, длинные ресницы, розовые щёчки, пунцовый ротик и мягкие, как шёлк, с золотистым отливом локоны, которыми, однако ж, мой приятель любовался уж впоследствии, потому что на этот раз Шарлотта была в кисейном...* (Н. Загоскин. «Москва и москвичи»); *У Степана кудри были мягкие как шёлк.* (Б. В. Шергин. «Изящные мастера»); *Это была девочка со светлой косицей, тонкой и мягкой, как шёлк, с серыми глазами, худенькая и заморенная на вид.* (В. Ф. Панова. «Спутники»); *Митрополит плакал, склонив на руки седую голову с мягкими, как шёлк, волосами.* (А. Алтаев. «Гроза на Москве»)

Помимо отражённых в словаре признаков «мягкие» и «нежные», сравнение человеческих волос с шёлком часто имеет своими основаниями такие качества, как «гладкость» и «блеск» (в этом случае речь нередко идёт, напротив, о тёмных, чёрных волосах): *Тогда-то и удалось обнаружить нам, что под косыночкой прячутся волосы редкой красоты – блестящие, как шёлк, иссиня-чёрного цвета* (А. Берцинская. «Тоська Пепеляева»); *Говорков – среднего роста, стройный, смуглолицый, черноглазый, с толстыми усами и квадратной бородкой <...>*,

курчавые волосы его лежат на голове гладко, поблёскивают, как шёлк, и в них немало седых (М. Горький. «Жизнь Клим Самгина»); Отвечая, она глубже уселась на стуле, положила голые локти на скатерть, – блестяли её тёмные глаза, **как шёлк блестяли** её тёмные кудри, падающие двумя прядями на легко дышащую грудь (А. К. Толстой. «Пётр Первый»).

Анализируемое нами сравнение часто употребляется и как характеристика «растительности» на лице человека: усов, бороды, ресниц, бровей; при этом актуализируется тот же набор признаков: «мягкий», «нежный», «блестящий», «вьющийся» или «гладкий»: *Смеялся он заразительно, по-детски, обнаруживая белые, частые, мелкие зубы сквозь седые усы, соединившиеся с серебристо-белой, волнистой, мягкой, как шёлк, бородой.* (Е. И. Апрелева. «Из воспоминаний об И. С. Тургеневе»); *Каштановые волосы и борода густы и мягки, как шёлк.* (А. П. Чехов. «Драма на охоте»). *Его чёрные усы и такая же борода вились, как шёлк.* (А. С. Грин. «Легенда о Фергюссоне»); *Вот какая она – посмотрите же на неё: стоит себе, опустив изогнутые иссиня-тёмные и как шёлк мягкие свои ресницы; из-под ресниц светят светлы её далёких глаз, не то серых, не то зелёных, подчас бархатных, подчас синих <...>* (А. Белый. «Серебряный голубь»).

Итак, УС как шёлк – это прежде всего характеристика растительности на голове, лице человека по целому комплексу взаимосвязанных признаков, нередко проявляющихся одновременно: «нежные и мягкие», «блестящие, лоснящиеся»: «русская коса, как шёлк, вычесана» (Г. П. Данилевский); «её мягкие как шелк спускавшиеся до плеч локоны» (А. О. Корнилович); «русые волосы, мягкие, как шёлк, развевались ветерком» (Н. М. Карамзин); «короткие волосы его были светлы и мягки, как шёлк» (В. М. Дорошевич) и т.п. Интересно, что образ шёлка употребляется и по отношению к «гладким» волосам (гладко, очень аккуратно расчёсанным, тщательно уложенным, буквально волосок к волоску) и, напротив, по отношению к волосам волнистым, вьющимся. Это связано с актуализацией «разных участков» семантической структуры базового образа: гладкая и блестящая поверхность шёлка как ткани, материала; способность этой ткани красиво драпироваться, переливаясь в складках (ср. третье значение в МАС); блеск и нежность шёлка как волокна (второе значение).

Несколько реже сравнение как шёлк употребляется по отношению к шерсти животного: *Но вот государь видит нечто совершенно иное: красота, порядок, уют: «Шерсть на овцах как шёлк. / И тяжестью их клонит...»* (А. Архангельский. «Александр I»); *Он приехал совершенно один, не на коне, а на огромном белом верблюде с короткой, мягкой, как шёлк, шерстью.* (И. А. Ефремов. «Белый рог»); *Прекрасный тип верховых ослов, высоких, на тонких ногах, с тонкой, нежной, как шёлк, светлой шерстью.* (Н. Г. Гарин-Михайловский. «По Корее, Манчжурии и Ляодунскому полуострову»).

В полном соответствии со словарными данными УС **как шёлк** часто употребляется как характеристика какой-либо поверхности, которая по зрительному и тактильному впечатлению напоминает шёлк. В качестве такой поверхности выступает в первую очередь **кожа человека**: *Нежная пена с тонким ароматом прекрасно очищает кожу, и после душа она становится нежной и гладкой как шёлк* («Красота» // 100% здоровья. 2003.02.14); *Аппетитное? И кожа, как шёлк?! Значит, не вы собой любовались, а вами любовались?!* (Т. Окуневская. «Татьянин день»).

Кроме того, рассматриваемое сравнение может выступать в текстах как характеристика поверхности материала (например, замши, кожи), из которых сделана одежда или детали интерьера: *Ты что, не видишь бриллиантовый ручеек и чёрную жемчужину, и очёчки, и ботиночки, и простецкую кожаную курточку, на ощупь как шёлк?* (Т. Устинова. «Большое зло и мелкие пакости»); *Вот нежные, как шёлк и атлас, блузки и юбки из перфорированной замши, вот повседневные*

меховые боа – да-да, даже летом. (А. Карабаш. «Чей туфля?» // «Домовой», 2002.05.04); *И никто не обращал внимания на сукно и бисер, которыми она была обшита, на её выпушку из барсучьего меха, блестящего под ногами, как шёлк.* (Р. И. Фраерман. «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви»); *Он указал на сильно потёртый бархатный воротник своего лоснившегося, как шёлк, вицмундира.* (В. П. Авенариус. «Школа жизни великого юмориста»).

Сходство с шёлком могут иметь материалы, состоящие из волокон (нити, пенька и т.п.): *Левой рукой Олеся быстро сучила белую, мягкую, как шёлк, кудель, а в правой у неё с легким жужжанием крутилось веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала его и коротким движением пальцев опять заставляла вертеться.* (А. И. Куприн. «Олеся»); *Нынче, слава богу, пенька добрая: зелёная, волнистая, как шёлк...* (И. Е. Вольнов. «Повесть о днях моей жизни»). «Волнистость» в последнем случае неразрывно сопряжена со способностью блестеть, переливаться, лосниться.

Чрезвычайно редко УС как шёлк употребляется как средство образного выражения характера человека – мягкого, уживчивого, сговорчивого или смиренно-покорного, кроткого: *Ирина стала вдруг повадлива как овечка, мягка как шёлк и бесконечно добра; принялась давать уроки своим младшим сёстрам – не на фортепиано, – она не была музыканткой – но во французском языке, в английском; читала с ними их учебники, входила в хозяйство <...>.* (И. С. Тургенев. «Дым»); *Что ж делать, если он титулярный советник; зато такой тихий, как шёлк.* (Н. В. Гоголь. «Женитьба»).

Несколько иные закономерности наблюдаются при употреблении УС **как (словно, точно) шёлковый** (ср.: '1. Мягкий, нежный. О волосах, коже человека, шерсти животного, волокне, материале, предмете. <...> 2. Перен. Покорный, послушный, покладистый; вести себя – покорно, послушно. О человеке, реже о животном. <...>' [8, с. 774]. Значение, которое дано в словаре в качестве первого, несомненно, очень близко к семантике УС **как (словно, точно) шёлк**. Ср., например, УС-синонимы, которые образно характеризуют мягкие, нежные волосы, брови или ресницы: *И вились у Иванушки кудри как шёлковые.* (К. И. Чуковский. «Высокое искусство»); *Никите показалось, что это не настоящая девочка, до того хорошенькая, в особенности глаза – синие и ярче ленты, а длинные ресницы – как шёлковые.* (А. Н. Толстой. «Детство Никиты»).

УС **как шелковый**, подобно сравнению **как шелк**, употребляется также по отношению к материалу, из которого производятся те или иные предметы одежды: *Потом перешёл на любовь, и вышло, что его любили многие за лихость, за обходительность, за то, что у него были новые сапоги с набором или вышитая рубаша из сатинету, но совсем **как шёлковая,** любили за то, что он играл на двухрядной тальянке <...> (С. Н. Сергеев-Ценский. «Лесная топь»); *Самого модного, последнего вкуса! Сукно блистало, **как шёлковое.** Купец чутьём пронюхал, что пред ним стоит знаток сукон, и не захотел начинать с десятирублёвого* (Н. В. Гоголь. «Мёртвые души»).*

Однако УС **как шелковый** (-ая, -ое), по данным Национального корпуса русского языка, относительно редко выражает «физические», то есть воспринимаемые органами чувств, признаки (волос, кожи, шерсти животного, материала, волокна, какой-л. поверхности). В НКРЯ мы выявили лишь семь случаев подобного употребления. Интересно, что в такой функции чаще выступает сравнение другой модели, в структуре которой прилагательное «шёлковый» выступает как зависимый компонент по отношению к грамматически главенствующему имени существительному (модель mBb, где m – показатель сравнительных отношений, союз как (словно, точно, будто); B – образ сравнительной конструкции; b – согласованное определение, выраженное прилагательным). Подобные сравнения, представляющие собой авторские трансформы общезыковых компаративных единиц, могут

характеризовать волосы (нежные, тонкие, мягкие): *По нежной, как бы прозрачной белизне лица его то и дело вспыхивал лёгкий румянец, при малейшем движении чувства; самые волосы его, светло-русые, очень редкие и как бы рассыпчатые, до того были мягки и нежны, как **шёлковые пряди**, что при всяком движении головы меняли своё место и болтались, как бахрома, спускаясь на виски и на большой и широкий лоб* (Ф. И. Буслаев. «Мои воспоминания»); *Высокая гибкая блондинка с огромными синими глазами, любовно озиравшими весь Божий мир, с пышной короной белокурых, нежных, как шёлковая паутина, волос, вся белая, ароматная, будто пахнувшая яблочным цветом, с высокой грудью и круглыми плечами, упругая, здоровая и свежая, как только что вылупившееся яичко* (А. Т. Ав ерченко. «Шутка мецената»); *кожу человека, в частности, кожу рук: Ты стройна, как кипарис, что вырос под сенью огромной скалы, защищающей его от бурь! Твои руки нежны, как **шёлковые шарфы**! Я унесу тебя в горы на недоступные ледники любви, как снежный барс уносит искры солнца на изогнутой луком спине!...* (А. Иванов. «Охота на «Большую Медведицу»). В приведённых случаях индивидуально-авторские сравнения как *шёлковые пряди*, как *шёлковая паутина*, как *шёлковые шарфы* выступают как синонимы по отношению к УС как *шёлковый*. Компонент «*шёлковый*», сочетаясь с разными именами существительными, даёт разные по значению компаративные структуры, в значительной степени детерминируемые именно семантикой прилагательного; при этом актуализируются разные признаки **шёлка**, например, его ровная, гладкая поверхность: *Живая горная вода сочилась из-под каждой горы, катилась по логам в бойкие речки, проходила через озёра и, повернув тысячи тяжёлых заводских и мельничных колёс, вырывалась, наконец, на степной простор, где, как шёлковые ленты, ровно и свободно где, как **шёлковые ленты**, ровно и свободно плыли красивые степные реки* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. «Три конца» (1890)); способность скользить, выскользывать из рук благодаря гладкости: – *Княжна выскользнула из его рук – легко, как **шёлковый платок**, оставив лёгкий холодок* (С. Осипов. «Страсти по Фоме». Книга вторая. Примус интер парэс); свойство светиться и переливаться: *Коллеи дорог, полные воды, светясь, лежали, как шёлковые ленты, и указывали путь в Окуров <...>*. (М. Горький. «Жизнь Матвея Кожемякина»); лёгкость: *Над ними, ещё выше, поднимаясь кверху доски, в благоухающих чертогах восседала мать Божия – Богородица, на шитых речным жемчугом подушках, под лёгкими, как шёлковый балдахин, небесно-голубыми сводами* (П. Алешковский. «Жизнеописание хорька»); мягкость и блеск: *Второй портрет – княгини Щербатовой – Кипренский написал в мягких и блестящих красках, таких же мягких, как шёлковая шаль, накинутая на плечи княгини* (К. Г. Паустовский. «Орест Кипренский»).

Вернёмся к особенностям семантики устойчивого сравнения **как шёлковый**. Анализ многочисленных случаев его употребления показывает, что чаще всего оно выступает как образное выражение таких качеств человеческого характера и поведения, как склонность к послушанию, покорности, смирению: *Приехавший Хвёдор вёл себя **как шёлковый**: никаких расспросов, сплошное послушание* (С. Шикера. «Египетское метро»). Это же сравнение выражает постоянную и неизменную готовность к тому или иному действию: *Она голосует, ты подъезжаешь, как шёлковый, садишь её, молодую, и – дуешь!* (Нина Садур. «Сад»).

Поведение, характеризующееся этим устойчивым сравнением, в целом воспринимается русским языковым сознанием как неискреннее, лицемерное или унижающее человеческое достоинство: *Сегодня среда, в пятницу выборы, он перед выборами стал **как шелковый** – заискивает перед молодёжью, мне подарил булочку к чаю* (К. И. Чуковский. «Дневник»); – *Ага, – ответил Дивинский. – Он стал **как шёлковый**. Прямо как собака смотрит в глаза князю Василию Лукичу*

(Ф. Е. Зарин-Несвицкий. «Борьба у престола»). Речь идёт о поведении человека, который ради выгоды притворяется не тем, кем является на самом деле: общественному порицанию подвергается не смирение как таковое (это качество, скорее, воспринимается русским языковым сознанием сочувственно), а деланное, напускное смирение, не имеющее ничего общего с христианской добродетелью.

Нередко подобное поведение – не естественное свойство природы того или иного человека, а результат внешнего влияния (убеждения, угроз, запугивания, строгого окрика, взгляда и проч.): *Воспитатели, само собой, объявили: кто будет плохо себя вести, лишится посещения зверинца. Мы стали как шёлковые!* (А. Слаповский. «Синдром Феникса»); *Курсанта, главное, запугать качественно, и он у тебя, как шёлковый* (М. Зосимкина. «Ты проснёшься»); *Занялся бизнесом и «жил» на работе, пока я не расставила все точки над И. Тяжеловато мне, конечно, было, но сейчас как шёлковый, а главное, теперь ясно, КТО в доме хозяин* (Женщина + мужчина: психология любви: форум); *Когда я на него вот так смотрю, – она вскинула бровь, – он как шёлковый становится.* (Р. Ибрагимбеков. «Забытый август»); *Впрочем, как бы пьян и как бы силён он ни был, Люся живо находит на него управу, и он делается как шёлковый.* (В. А. Солоухин. «Капля росы»); *– Я знаю, как со стервами нужно обращаться, – подумал он, – теперь неделю будет, как шёлковая* (К.К. Вагинов. «Гарпагониада»). Состояние и поведение человека по отношению к окружающим может измениться и под воздействием «успокоительного» действия времени либо иных факторов: *Сейчас-то не подступись, дай утихнуть грозе; а после-то отмякнет – и как шёлковый* (В. Личутин. «Любостай»).

Очень часто, особенно в конструкциях с прямой речью, характеристика «как шёлковый» (синонимически сближающаяся в таких случаях с УС как *миленький*) граничит с бесцеремонностью, неуважением, пренебрежением к характеризуемому лицу: *– Будет шагать как шёлковый, – пообещал Уханов и, подойдя, грубовато и бесцеремонно похлопал по карманам немца <...>* (Ю. Бондарев. «Горячий снег»). *– Спи давай! И чтоб завтра был как шёлковый! Потирая голову, Филька отошёл к своей кровати* (А. И. Мусатов. «Большая весна»).

Относительно редко характеристика «как шёлковый» встречается в повествовании персонажа от первого лица (оценка дается самому себе). В этом случае признаки, выражающиеся устойчивым сравнением *как шелковый(-ая)*, противопоставляются таким качествам характера и поведения, как «злой», «раздражительный», «несговорчивый», «вредный»: *Но я заметила, что в США я злюсь на очереди и никогда в них не стою, а в России – как шёлковая* (Е. Яковлева. «Люблю гулять по Красной площади, когда идёт снег. Откровения Ирины Стивенсон, российской американки»).

Любопытно, что прилагательное «шёлковый», употребляясь в образно-метафорическом значении, демонстрирует те же «антропоцентрические» векторы развития семантики, что фиксируют и толковые словари. Одно из таких семантических направлений – характеристика человеческих волос по признаку мягкости; Так, в МАС *шёлковый* – «Напоминающий шёлк по виду или на ощупь: Он долго и ласково гладил шёлковые волосы Настеньки. Мамин-Сибиряк. Мать-и-мачеха» [13, т. 4, с. 708]. Однако гораздо более «коммуникативно востребованным», является другое направление развития вторичной номинации: «О человеке с мягким, покладистым характером» [Там же]. Это полностью подтверждают и данные НКРЯ, и материалы картотеки устойчивых компаративных единиц: *– Я попритушил этот шёлк [фон на портрете – Е. О.], – сказал Репин, – потому что к вашему характеру он не подходит. Характер у вас не шёлковый* (К. И. Чуковский. «Современники. Илья Репин»); *Если у других ребята жуют на уроках или плюются из трубочки рябиной, то, когда дежурит Петька, все шёлковые* (Ю. А. Козлов. «Коростели в сыром лугу»); [Никандр:] *Ребята как ребята – режут, капризничают, спать не*

дают по ночам. Поступает она на место; ребёнок **шёлковый** делается – ни капризов, ни криков. (А. С. Серафимович. «Девушка за стеной»); [Кудряш:] Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы **шелковый** сделался (А. Островский. «Гроза») и др. Подобные случаи составляют около 70 % от общего числа примеров переносного употребления этого прилагательного.

Интересно проследить, в каких контекстуальных условиях употребляются устойчивые сравнения с образами других видов материалов (тканей): как *атлас* и как *бархат*.

УС **как атлас**, согласно сведениям Словаря устойчивых сравнений русского языка (2001), употребляется в одном значении, но со многими взаимно дополняющими друг друга словами-сопроводителями: 'Гладкий, нежный, эластичный; лосниться, блестеть. Преим. о теле, коже человека, коже, шерсти животных' [8, с. 37–38]. По данным НКРЯ, первое место по частотности употребления занимают сравнения, характеризующие кожу лица или других частей тела человека: *Резко выступающие мышцы из-под сетки жил, растянутой в тонкой, подвижной и гладкой, как атлас, коже, казались столь же крепкими, как кость* (Л. Н. Толстой. «Анна Каренина»); *Что за губы, что за глаза! Тело лоснится, как атлас. Глаза не без выражения ума и доброты, но более, кажется, страсти, так что и обыкновенный взгляд их нескромен* (И. А. Гончаров. «Фрегат «Паллада»). В подобных случаях сравнение кожи с атласом осуществляется про целый комплекс качеств, которые в совокупности создают образ молодого, сильного, физически здорового, свежего тела: гладкость, упругость, блеск, мягкость, чистота и белизна.

Иногда сравнение кожи человека, напротив, характеризуется отрицательной (как правило, насмешливо-иронической) коннотацией, создавая вместе с другими деталями портретной характеристики малопривлекательный образ взмокшего (потного) лица или тела, подчеркивая в человеке животное начало: *«Рыцарское бесстрашие» готово было опять покинуть Гоголя: несмотря на свой домашний костюм – халат, Свинын был в галстуке и накрахмаленном жабо; холол над высоким лбом, а также узенькие полоски бакенбард около ушей и виски были тщательно причёсаны, а свежевыбритое лицо лоснилось как атлас: слышался от них даже как будто запах розового масла; а этот острый, пронизывающий до глубины души взгляд из-под нависших бровей, – ну, сам великий инквизитор, или, по меньшей мере, кварталный надзиратель* (В.П. Авенариус. «Школа жизни великого юмориста»); *Она [дама] лоснилась, как атлас, и пытела, как паровик* (А. В. Амфитеатров. «Марья Лусьева»)

Сравнение с атласом поверхности тела, шерсти животного, ухоженного, холеного, физически сильного и, как правило, молодого, естественно, никак не связано с духовными, нравственными качествами: это подчеркнута объективная характеристика, насыщенная эмоцией восхищения, любования красотой животного (чаще всего лошади), его телесным совершенством: *Разве признаки высокой породы подкупили бы такого неопытного человека в Кролике: огромные, широко посаженные глаза, тонкая кожа, лоснящаяся, как атлас, выпуклые связки, сухая голова с резко очерченными ноздрями, точно из меди вылитые мускулы* (А. И. Эртель. «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги»); *Тысячу левов арабский конь, белый, как снег, шерсть, как атлас, смотрит орлом, крутится вихрем, мчится стрелой!* (А. Ф. Вельтман. «Радой»); *Помню одну, гнедую, как атлас, с белой гривой и белым хвостом и на одну ногу белоножка, что так ценится арабами...* (С. М. Волконский. «Мои воспоминания»); *Было дивно хорошо увидеть своего Мирабо, сытого, холеного гунтера, блестящего, как атлас, гладкого и косившего за сахаром свой чудный чёрный глаз, ещё отраднее было солидно подъехать к своему эскадрону, неподвижно замершему на улице, услышать команду Ротбека «смирно» и, курцгалопом подъехав к флангу, поздороваться с*

людьми и выслушать бодрое и радостное «здравия желаем, ваше благородие» (П. Н. Краснов. «От Двуглавого орла к красному знамени»); Не только генералы в полной парадной форме, с перетянутыми донельзя толстыми и тонкими талиями и красневыми, подпёртыми воротниками, шеями, в шарфах и всех орденах; не только припомаженные, расфранченные офицеры, но каждый солдат, – с свежим, вымытым и выбритым лицом и до последней возможности блеска вычищенной амуницией, каждая лошадь, выхоленная так, что, как атлас, светилась на ней шерсть и волосок к волоску лежала примоченная гривка, – все чувствовали, что совершается что-то нешуточное, значительное и торжественное (Л. Н. Толстой. «Война и мир»).

Объектами образной характеристики (нежной, лоснящейся кожи или шерсти) могут выступать и другие животные (как млекопитающие, так и птицы, рыбы, земноводные): С привычкою к умеренности, создавшеюся годами бродячей, голодной жизни, она ела очень мало, но и это малое изменило её до неузнаваемости: длинная шерсть, прежде висевшая рыжими, сухими космами и на брюхе вечно покрытая засохшею грязью, очистилась, почернела и стала лосниться, как атлас (Л. Н. Андреев. «Кусака»); На вид они [морские ежи] кажутся нежными, как атлас (Е. Парнов. «Гимн морским ежам» // Юность, 1969). Мясо рыбы или млекопитающего, употребляемые человеком в качестве пищи, также могут быть объектом образной характеристики, выражаемой этим УС: Мешочная осетровая икра точно из чёрных перлов была сделана, так и блестит жиром, а зернистая троечная, как сливки – сама во рту тает, балык величины непомерной, жирный, сочный, такой, что самому донскому архиерею не часто на стол подают, а белорыбца, присланная из Елабуги, бела и глянцевита, как атлас. (П. А. Мельников-Печерский. «В лесах»).

Довольно редки случаи, когда УС как атлас употребляется по отношению к другим объектам. Так, элементом А (объектом образной характеристики) могут выступать:

1) та или иная блестящая и гладкая поверхность – бумага либо ткань (материал), из которого сделаны предметы одежды: Затем сходил в контору, пробрался на цыпочках мимо спины углублённого в своё дело Агей Данилыча к шкафу, похитил оттуда лист так называемой «министерской» бумаги – гладкой, как атлас, – и, благополучно возвратясь, рачительно переписал стихи. (А. И. Эртель. «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги»); Ряска на нём местами блестела, как атлас, и на локтях была порвана. (А. И. Эртель. «Записки Степняка»); Согласись, что приятнее носить сукно, как атлас, бельё гладкое и тонкое, как китайская бумага, обувь чёрную и мягкую, как бархат! (И. А. Гончаров. «Письма столичного друга к провинциальному жениху»).

2) небо (нежное, и, по-видимому, безоблачное, чистое, голубое, сияющее в лучах солнца): В тишине стонал и метался Багир, бредя о зажжённых солнцем виноградниках, о небе, золотистом, как парча, и голубом, как атлас. (К. Большаков. «Бегство пленных, или История страданий и гибели поручика Тенгинского пехотного полка Михаила Лермонтова»); В раскрытых окнах виднелось нежное, как атлас, небо, тополя, тёмные от прошедшего дождя, стояли блистающими рядами; свежий воздух смешивался с запахами вина, табака, пота. (А. И. Алдан-Семёнов. «Красные и белые»).

Таким образом, атлас и шёлк, несмотря на кажущуюся семантическую близость (оба они являются образами гладкости, мягкости, нежности, способности переливаться, лосниться, блестеть), существенно различаются в аспекте предпочтительного объекта приложения образной характеристики. Если УС как шёлк в основном характеризует мягкие, тонкие и нежные волосы, то сравнение как атлас «специализируется» на характеристике кожи человека или шерсти животного. Вместе с тем немало случаев, когда эти сравнения оказываются практически

синонимичными: Ср., к примеру: *Повели; Философов отправился с нами; в гостиной сидел франтоватый брюнет, эластичный, красивый; лицо – с интересною бледностью; взор – опаляющий; с искрой усы – как атлас.* (Андрей Белый. «Между двух революций»). Совершенно очевидно, что компаративный фразеологизм **как атлас** / мягкие и блестящие (о волосах, бровях, бороде, усах) вполне может быть заменён сравнением **как шёлк**.

Параллелизма устойчивых компаративных конструкций с существительным и однокоренным прилагательным, наподобие того, что мы видели в паре **как шёлк – как шёлковый**, в данном случае не наблюдается: УС **как (словно, точно) атласный** фактически не встречается в текстах. Однако прилагательное *атласный*, выступая в переносно-метафорическом значении, является функциональным синонимом устойчивого сравнения *как атлас*, воплощая в своей семантической структуре ту же идею гладкости, нежности, блеска: *Пётр поворачивается, как волк, не сгибая шеи, приподнимает фату и сухими губами, носом тычется в щеку, чувствуя атласный холод её кожи, пугливую дрожь плеча; ему жалко Наталью и тоже стыдно, а тесное кольцо подвыпивших людей орёт* (М. Горький. «Дело Артамоновых»); *Сходство проглядывало даже в манерах маленького создания, в том, как она нетерпеливо морщила свой атласный лобик или лукаво подмигивала уголками глаз.* (О. А. Шапир. «Без любви» // «Вестник Европы, № 2–№5, СПб, 1886). Очевидно, что прилагательное *атласный* входит в одно образно-компаративное гнездо с устойчивым сравнением *как атлас*².

Споставляя «субституциональную» и «сравнительную» концепции метафоры (и явно делая выбор в пользу второй), В. Н. Телия отмечает: «Метафора – это всегда сравнение, по большей части эллиптированное, скрытое, и переосмысленное значение сопоставляется здесь с его буквальным значением на основе некоторого *tertium comparationis* – внутренней формы, лежащей в основе сравнения. Воспринять метафору – значит открыть аналогию или сходство <...>» [15, с. 200].

Ещё один образ ткани (также дорогой, внешне привлекательной, броской) – **бархат**. Устойчивое сравнение **(словно, точно) бархат**, согласно сведениям Словаря устойчивых сравнений русского языка (2001), имеет два значения: '1. Мягкий, нежный, лоснящийся, эластичный. О теле, коже, волосах человека, шерсти животного. <...> 2. Ровный, мягкий, рыхлый. О земной поверхности' [8, с. 49].

В первом значении УС **как бархат** употребляется прежде всего по отношению к рукам человека: *Она умеет быть ласковой и доброй, умеет погладить по голове мягкой как бархат рукою.* (С. С. Заяицкий. «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова»); *Рука у него теперь мягкая, словно бархат.* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Благонамеренные речи»); *Притом он так добр: как мягко он ходит, делает движения, дотронется до руки – как бархат, а тронет бывало рукой муж, как ударит!* (И. А. Гончаров. «Обломов»).

Достаточно частотны и сравнения с бархатом шерсти животного (как правило, густой или нежной, мягкой), реже птичьего оперения: <...> *Где-то артачилась и не хотела входить в запряжку длинная худая лошадь с задранной сверху шеи и с шоколадной, густой, как бархат, шерстью* (А. И. Куприн. «Жидовка»); <...> *Все утиные выводки поднялись; молодые несколько меньше старых, светлее пером и все – серые, все – утки; только при ближайшем рассмотрении вы отличите селезней: под серыми перьями на шее и голове уже идут глянцевитые зелёные, мягкие, как бархат, а на зобу – тёмно-багряные пёрышки* <...> (С. Т. Аксаков. «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»)

Во втором значении это сравнение употребляется, в частности, по отношению к поверхности почвы, часто глинистой или песчаной, либо участка какого-л. ландшафта – берега реки, пашни или дороги: *Он плясал на горячем, мягком, как бархат, песке, швырял ракушками в белых чаек, которые с криком взлетали и кружились над морем* (С. С. Заяицкий. «Рука бога Му-га-ша»); *Они шли вдоль воды*

по светло-жёлтому, мягкому, как бархат, песку из плоских, обтёртых прибоем раковин (А. Н. Толстой. «Хождение по мукам»); Дороги у него были как бархат и содержались в безукоризненной исправности, но на всех съездах во владения Каравай-Батынского стояли рогатки и заставы, проехать через которые можно было только с особого разрешения самого князя (М. Н. Волконский. Вязниковский самодур); На рыболовство мы отправлялись прямо с бивуака в одних рубашках и босыми, дабы легче ходить по вязкому и мягкому, как бархат, глинисто-песчаному грунту речного плёса (Н. М. Пржевальский. «От Кяхты на истоки Жёлтой реки»).

Очень часто встречающийся в текстах 19 – 20 вв. объект сравнения с бархатом – плодородная почва, пригодная для земледелия, чернозём. Ср., например, это УС в произведениях уроженца Орловской губернии Н. С. Лескова: Именья хорошие... земля как бархат, угодья водяные, леса и мужики исправные, в зажитье. (Н. С. Лесков. «Захудалый род»); Эти скромные картины русской ранней весны превосходны, весело зеленеющие озими играют на солнце; поднятый к яровому посеву тучный чернозём лежит как бархат и греется <...> (Там же).

По признакам мягкости и гладкости, или, напротив, мягкости и ворсистости, сравнивают не только поверхность земного покрова, но и другие поверхности (созданные природой либо человеком), ср.: «мягкий, как бархат, лист земляники» (Д. В. Григорович. «Пахарь»); «масса дерева <...> мягка и гладка как бархат» (А. Рафалович. «Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты»); «обувь чёрная и мягкая, как бархат» (И. А. Гончаров. «Письма столичного друга к провинциальному жениху»); «толстый, словно бархат, слой копоти» (Н. Н. Шпанов. «Связная Цзынь Фын»); «нежная, как бархат, плесень» (А. О. Осипович (Новодворский). «Карьера»).

При этом нельзя не заметить, что сравнение *как бархат* создаёт благодатное поле для индивидуально-авторских фантазий: такого разнообразия признаков-оснований мы не наблюдаем в случаях с рассмотренными выше компаративными структурами *как шёлк* и *как атлас*.

Эти признаки могут быть сгруппированы по каналам восприятия (органам чувств):

1. **Тактильные ощущения.**

Б) «Пушистый», ворсистый: После всех попробовал Хижняков. Пальцы его на миг ощутили прикосновение чего-то живого, пушистого, как бархат, и такого нежного и слабого, что пальцы сделались как будто чужими и тоже нежными. И так, вытянув шею, бессознательно озаряясь улыбкой странного счастья, стояли они, вор, проститутка и одинокий погибший человек, и эта маленькая жизнь, слабая, как огонёк в степи, смутно звала их куда-то и что-то обещала, красивое, светлое и бессмертное. (Л. Н. Андреев. «В подвале»); Я даже вспомнила каковы они на вкус, плоды этого дерева, вернее ягоды – сухие, словно из папье-маше, ворсистые, как бархат. (Д. Рубина. «На солнечной стороне улицы»); Трава на ней, как бархат зелёный, и близ ручеек бормочет, а лес посерел, нахохлился, только над ельником высокие сосны ещё тешатся закатом: их могучие ветви и вершины будто кто посыпал тлеющими угольками. (А. П. Чаплыгин. «Гулящие люди»).

Сравнение с бархатом часто применяется для характеристики поверхности вористой (пушистой) и в то же время чрезвычайно мягкой, нежной, ласкающей руку при прикосновении: Мирон тревожно запустил руку в ящик, где огромным, тёплым, живым клубком кишели мыши, лаская пальцы нежной, как бархат, шёрсткой; все они были белы, как снег (А. С. Серафимович. «Мышиное царство»). Эти же признаки оказываются актуальными и в описаниях ровной низкорослой растительности, покрывающей пространство, например, травянистого покрова; в качестве непосредственного слова-сопроводителя при этом нередко выступает цветовой эпитет «зелёный» («зеленеть»): Небо уже совсем чистое, ясное,

и наверху луга, зеленые **как бархат** (Е. Л. Марков. «Очерки Крыма»); Несмотря на осеннюю пору, клевер стоял молодым, зелёным и ровным, **как бархат** (Б. А. Можаяев. «День без конца и края»); Ясно утро. / Тихо веет / Тёплый ветерок; / Луг, как бархат, зеленеет, / В зареве восток (И. С. Никитин. «Утро на берегу озера»).

Б) «Теплый». С бархатом нередко сравнивается тёплый воздух; при этом в качестве слов-сопроводителей употребляются, как правило, прилагательные «мягкий», «прозрачный», «нежный», «чистый»: Воздух чист, нежен, прозрачен, мягок, как бархат. (В. Э. Краевский. В Японии. «Nothing but truth» (Ничего, кроме правды); Напрасно жена уверяла, что ночь тепла и воздух мягок, как бархат; он объявил, что чувствует озноб, боится лихорадки и находит благоразумнее провести ночь в каюте; он приподнялся с места, церемонно раскланялся и направился к трюму, дав вперёд пройти жене (Д. В. Григорович. «Не по хорошу мил, – по милу хорош»).

2. **Зрительные (цветовые) ощущения.** а) «Красноватый», «красный»: Наконец, в стороне мелькнул меж ветвей кусок червой, как бархат, пашни (В. Г. Короленко. «Без языка»); Когда Клавер вытянул из меня обильное количество мокрот частыми нарывами, тогда спознакомил он меня и с *lapis infernalis*, которым прижигал он дикие наросты, и под конец года только я стал выздоравливать, но рана широкая на руке и красная, как бархат, оставалась у меня очень долго и после нового года под пластырем (И. М. Долгоруков. «Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни»); б) «Чёрный»: К настоящему. К чёрному, как бархат. С ледяными брызгами звёзд. Боги в ужасе (С. Ястребов. «Лунная соната»); Сначала кажется, что зелёная, а совсем глубоко – чёрная. Как бархат. И ещё в воде солнечные зайчики бегают (А. Ф. Членов. «Как Алёшка жил на Севере»); Земля тут, как простая глина, а по ней кусты чёрные, как бархат. (П. П. Бажов. «Каменный цветок»); Начиная от шеи, на правой стороне, на пространстве ладони, грудь Кузьмы была черна, как бархат, слегка покрытый сизым налётом (В. М. Гаршин. «Трус»); в) «синий»: В синей, как бархат, мягкой и тёплой тьме огней на палубе не зажигали (А. П. Чапыгин. «Разин Степан»). С бархатом по признакам цвета (темно-синий или чёрный) нередко сравнивается **ночь**; при этом сравнение с бархатом по признаку цвета сопряжено с иными признаками: отсутствие ветра, мягкое ровное освещение, мерцающие на небе звезды, мягкость и нежность, разлитые в природе: Чудная, мягкая и нежная, как бархат, ночь вошла в мою комнату запахом роз и магнолий (Л. Чарская. «Вторая Нина»).

3. **Слуховые ощущения.** Образ «бархат» очень часто употребляется при описании звуков, прежде всего музыкальных, издаваемых человеческим голосом, тем или иным музыкальным инструментом, колоколами и проч. При этом бывает непросто установить, какое именно качество звучания выражает сравнение как бархат. Это может быть, в частности, звучание «напевное», не отрывистое, «плотное» и в то же время яркое, не глухое: Такого не услышишь, нет. В Кремле ударят, – древний звон, степенный, с глухотцой. А то – тугое серебро, как бархат звонный. И всё запело, тысяча церквей играет. Такого не услышишь, нет. Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... – гул и гул. Ко всенощной (И. С. Шмелёв. «Лето Господне»). Весьма часто этим сравнением изображаются звуки человеческого голоса, при этом передается прежде всего эстетическое эмоциональное впечатление слушающего – «мягкие, очень приятные на слух»: Вижу Ваше смуглое лицо над стаканом кофе – в кофейном и табачном дыму – вы были как бархат, я говорю о голосе – и как сталь – говорю о словах – я любовалась Вами, с Вас очень любила (М. И. Цветаева. «Дневниковые записи»); Безукоризненно завязанный галстук. Обворожительный голос, совсем как бархат. Говорит негромко, но всё и везде слышно (Ф. И. Шаляпин. «Моим

детям»). В этих случаях мы не имеем сколько-нибудь точного описания качества самого звучания – авторы этих текстов передают субъективное восприятие голоса как «приятного», «обворожительного», «любимого» либо выражающего любовь, «нежного»: *И разве он не видел, <...> как ходила мамина грудь и как рдели её щёки под пудрой, разве он не улавливал в эти моменты много нового и странного, разве он не слышал её голос, совсем чужой голос, как бы актёрский, нервно прерывающийся, беспощадно злой к семейным и прислуге и вдруг нежный, как **бархат**, как зелёный луг под солнцем, когда приходил Павел Эдуардович* (А. И. Куприн. «Яма»). Чаще всего характеризующее голос человека сравнение как *бархат* употребляется со словом-сопроводителем «мягкий»: *Голос у Раисы монотонный и мягкий, как **бархат*** (Л. Чарская. «Кошка»); *И Варя почувствовала, как его голос, звучный и мягкий как **бархат**, с тихой отрадой льётся ей в душу* (А. И. Эртель. «Волхонская барышня»);

5. **Вкусовые ощущения.** Определение признаков, по которым вкус пищи сравнивается с бархатом, как правило, требует достаточно широкого контекста: – *Эта рыба, я вам говорю, как **бархат** мягкий, щекотит приятно во рту* (А. Ф. Писемский. «Мещане»)

Примечательно, что в сравнении иной структурной модели – с именем прилагательным **бархатный** в качестве образной основы – чаще употребляются союзы *словно* или *будто* (в отличие от союза *как*, предпочтительного в компаративной конструкции с существительным *бархат*), и это не случайно. В поисках различий между словом «как» и другими показателями (или, по терминологии Н. Д. Арутюновой, «операторами») исследователи указывают, что «как» имеет значение реального, «контролируемого разумом» сравнения, не осложнённого оттенками предположительности, условности», а слова *словно*, *точно*, *будто*, как *будто* «оставляют вопрос об истинностном значении открытым» [3, с. 414–415]. Иными словами, союзы *словно*, *точно*, *будто* более органичны для выражения гипотетической ситуации «будто сделанный из бархата»; данный семантический признак способен передать именно прилагательное.

При употреблении УС как (*словно*, *точно*) **бархатный** сохраняют актуальность лишь некоторые из отмеченных выше признаков-оснований. Так, оно употребляется прежде всего как характеристика **звука** (мягкого и одновременно насыщенного, густого, звучного, «яркого»): *Раздался густой, точно бархатный, звон <...>* (Под великий день // Огонек. 1991. № 15); *Уж Вы меня не обессудьте, сударь, что обеспокоила вас, сказала она, обращаясь к Веригину (голос у неё был звучный и мягкий, словно бархатный), – я вот дослышала, что вы брата Нила Петровича знаете?* (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Тихое пристанище»); *Почему-то отметился вдруг один искристый рой, из центра которого раздавался неугомонный, но сдержанный говор; забасил оттуда, из центра, будто бархатный, огромных размеров имель; он был ниже всех ростом, и когда обстали его златогрудые старички, то его и вовсе не было видно. А когда богатырского роста граф Дубльве с синей лентой через плечо, проводя рукою по сединам, с мягкой какой-то развязностью, подошел к старческой кучечке и прищурил глаза, он увидел, что этим гудящим центром оказался Аполлон Аполлонович* (А. Белый. «Петербург»).

Реже сравнение как (*словно*) **бархатный** выражает зрительное впечатление, производимое частью тела человека (животного) либо поверхностью какого-либо предмета, прежде всего гладкостью, а также глубиной и насыщенностью цвета: <...> *В пять часов дня у Маруси родилась здоровая девочка. – Прехорошенькая! Прямо как **бархатная**! – ликующим голосом сообщила Марусе Елена Денисовна, с помощью санитарки обмывая ребёнка на особом столике* (А. Котелова. «Иван Иванович»); *Насыщенные тона, которые днём на солнце кажутся блеклыми, в сумерках становятся глубокими, сам цветок становится словно бархатный.*

(Ю. Галактионова. «Идеальный вариант» // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15). Довольно часто встречаются и случаи употребления данного сравнения и по отношению к земной поверхности, ровностью, гладкой и мягкой: *Есть у нас и пруды, и сады, а вот что-то там показалось мне другим. Может, потому, что клуб у них голубым покрашен, да ещё поле, как бархатное, на нем ребята ночами мяч гоняют* (А. Т. Губин. «Молоко волчицы»); *Перед нами, как на ладони, был монастырь. Солнце, низко стоявшее на западе, освещало его белую стену, сосновый лес рядом, речку, зелёный, точно бархатный, луг перед ней* (С. П. Подъячев. «Среди рабочих»).

Наконец, производное слово **бархатный** – это прежде всего характеристика человеческого голоса (глубокого и звучного), чаще баритона или баса, либо тембровой окраски музыкального инструмента: *Подошел высокий, стройный юноша <...>, заговоривший красивым, бархатным, струнным баритоном – Качалов!* (С. Г. Скиталец. «Воспоминания. Максим Горький»); *Звоню по телефону прямо к директору завода. Голос у меня подходящий – бархатный баритон: «С Вами говорит Батогов».* (Л. С. Ленч. «В двухместном купе»); *Тяжёлые тромбоны ласково ворчали густыми, спокойными, бархатными голосами* (А. Куприн. «Поединок»). Ср. также: «бархатный, грудной голос» (М. В. Колосов. «Люди и подвиги»); «чрезвычайно красивый, мягкий, бархатный, неповторимый тембр» (А. А. Яблочкин. «75 лет в театре»); «сильный бархатный баритон» (Там же); «тихий, бархатный, шепелявящий баритон» (А. П. Чехов. «На мельнице») и мн. др.

Кроме того, прилагательное часто выступает для образного описания 1) земной поверхности, ландшафта: – *Ведь какое раздолье кругом: лес, луга, речка. И грибы тебе, и ягоды, скоро малина поспеет. А река! Вода как слеза, песок по берегу бархатный!* (Ю. М. Нагибин. «На покое»); *Губернатору намекнул как-то вскользь, что в его губернию въезжаешь, как в рай, дороги везде бархатные...* (Н.В. Гоголь. «Мёртвые души»); *На земле лежали повалившиеся, отжившие свой век деревья, покрытые бархатным мохом* (И. С. Соколов-Микитов. «Берестяной кошель»); 2) человеческого тела или его части, идеально гладкой кожи: *Бархатная, тёплая ручка Медынской снова скользнула по руке Фомы.* (А.М.Горький. «Фома Гордеев»); 3) человеческих глаз, а точнее, их выражения – мягкого, тёплого, как бы ласкающего: – *Эта княжна Мери прехорошенькая, – сказал я ему. – У неё такие бархатные глаза, – именно бархатные, я тебе советую присвоить это выражение, говоря об её глазах <...>.* (М. Ю. Лермонтов. «Княжна Мери»); *Маленький, точно резцом выточенный носик <...>, большие синие бархатные глаза <...>* (А. М. Горький. «Нищенка»); *тёплой и тёмной ночи: Ночь была полна глубокой тишиной и темнота её казалась бархатной и тёплой* (А. И. Куприн. «Поединок»); 4) густых и, как правило, тёмных бровей, усов или ресниц: *Несмотря на свои тонкие бархатные усики и красивую, несколько даже шулерскую наружность, он был степенен, рассудителен и набожен, как старик* (А. П. Чехов. «Бабье царство»); – *Выгоним фашистов со своей земли, уже задумчиво заговорил Володя, приподнимая бархатно-чёрные брови. – Пройдут везде революции, и тогда конец войнам* (А. Коптяева. «Дружба»).

Переносные значения таких прилагательных, как «шелковый» или «бархатный», несомненно, характеризуются яркой мотивированной образностью, то есть образностью, являющейся результатом их словообразовательной мотивированности [5, с. 32]. Поскольку их внутренняя форма представляет собой, по существу, классическую формулу сравнения (*шелковый* – «такой, как шёлк, как будто сделанный из шёлка»), мы с полным правом можем поставить их в один ряд с другими компаративными единицами языка. Между разноуровневыми единицами образно-компаративного гнезда возникают отношения, к которым вполне применимо удачное выражение Н. Ф. Алефиренко «фразеомобразующее

взаимодействие» – процесс, под которым автор понимает диалектику взаимосвязей между образными сравнениями, метафорами и фразеологизмами [15, с. 111].

Интересно, что сочетания «окачествлённых» относительных прилагательных, образованных от существительных «*шёлк*», «*атлас*» и «*бархат*», с некоторыми существительными вполне могут быть квалифицированы как фразеологические сочетания. К такому статусу весьма близки, на наш взгляд, *шёлковый характер*, *бархатные (бархатистые) глаза* и *бархатный (бархатистый) голос*, *атласная кожа*.

Таким образом, с одной стороны, налицо семантическое родство трёх видов тканей, проанализированных нами на предмет их функционирования в составе устойчивых компаративных единиц русского языка. Устойчивые сравнения и прилагательные-метафоры с компонентами «*шёлк*» («*шёлковый*»), «*бархат*» («*бархатный*»), *атлас* («*атласный*»), несомненно, объединяет способность выражать такие признаки, как «мягкость», «нежность» и «блеск». Это предопределяет способность анализируемых единиц вступать друг с другом в отношения своеобразной функциональной синонимии, проявляя свойство взаимозаменяемости. Близость трёх рассмотренных образов убедительно показывает В. М. Мокиенко в «Словаре сравнений русского языка» (2003); в толкованиях которого можно обнаружить отсылки к единицам «родственного» образного гнезда: «**как атлас**. О чём-либо (коже, бумаге, материи) гладком, глянцеви́том, бархатистом. Ср. Мягкий как шёлк <...>» [6, с. 20] (Подчёркнуто нами. – Е. О.).

Вместе с тем каждый из трёх образов уникален, и проявляется это в их прихотливом распределении между возможными объектами образной характеристики (к примеру, выступать как характеристика характера или поведения человека может лишь «*шёлк*», но не «*бархат*» и не «*атлас*», восприятие тембра человеческого голоса может передавать только образ «*бархат*» и т.д.).

Воспроизводимые всем языковым коллективом сравнения *как шелк*, *как шёлковый* (так же как и метафоры *шёлк*, *шёлковый*, *шёлково*, *шелковистый*, *шелковисто*, *шелковистость*) – единицы одного образного гнезда³. Языковая образная система причудливо «распределяет» реальные признаки шёлка как материала между разными компаративными структурами. Сгруппированные в пределах одного образно-компаративного гнезда знаки вторичной номинации (слова разных частей речи, разной словообразовательной структуры, фразеологические сочетания и устойчивые сравнения) объединяет мощный семантический стержень – **языковой образ**, т.е. «вербализованное зрительное восприятие предметного мира, фиксирующее форму, цвет, свет, объем и положение в пространстве поименованного предмета» [11, с. 338]).

Рассмотренные нами сложные комбинации признаков оснований, характерных для УС с компонентами «*шёлк*», «*бархат*» «*атлас*» и их производными, разнообразие слов-сопроводителей, с которыми они употребляются и, как следствие, некоторая размытость, «стереоскопичность» этих образов не даёт возможности отнести рассматриваемые единицы к «эталонным сравнениям». С последними их роднит только «традиционный», воспроизводимый характер и статус одного их источников национально-культурной коннотации. Неправомерность рассмотрения образов *шелк*, *бархат* и *атлас* как «эталонных» определяется отсутствием у них важного признака слова-эталона, отмеченного, в частности, в известной монографии В. Н. Телии: «Эталон – это характерологически образная подмена свойства человека или предмета какой-либо реалией – персоной, натуральным объектом, вещью, которые становятся знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» [14, с. 241]. В случае же с шёлком и родственными ему образами тканей (материалов) определить то единственное свойство, которое они «подменяют» в сознании носителей русского языка, оказывается невозможным. Несомненно, однако, что и для рассмотренных нами устойчивых сравнений весьма перспективной

задачей является системный анализ их взаимодействия с устойчивыми метафорами-существительными, «процессы их «изъятия» из сравнительных конструкций и вовлечение через процессы вторичной номинации в лексико-семантическую систему языка» [там же].

Пары типа как шёлк – как шёлковый, как бархат – словно бархатный, с одной стороны, употребляются в похожих речевых ситуациях, в сходных контекстуальных условиях и характеризуются такой же возможностью взаимозамены, как и все прочие синонимы; с другой стороны, способ выражения образного ядра компаративной конструкции не может не накладывать отпечатка на семантику УС и особенности их употребления.

Примечания

1. Созначения, согласно концепции автора словаря В. М. Огольцева, представляют собой варианты значений, «при которых слова-сопроводители или синонимические ряды слов-сопроводителей, несмотря на различия в их значении, лексико-грамматическом оформлении или составе, сохраняют между собой семантическую связь, т.е. приводят не к замене основания сравнения, а лишь к его видоизменению» [8, с. 16]
2. Идея логико-семантической и функциональной общности словообразовательных и фразеологических компаративных структур, их системной организованности была впервые высказана в докторской диссертации В. М. Огольцева: [9] Попытка системного описания русского отсубстантивного словообразования с этих позиций позднее была предпринята в работе: [10].
3. Наша концепция образного (или образно-компаративного) гнезда продолжает высказывавшиеся ещё в 70-х годах прошлого века идеи об общности метафорических связей слов в словообразовательном гнезде (ср., в частности: [2]); однако наше образно-компаративное гнездо включает компаративные воспроизводимые единицы разных уровней – лексико-словообразовательного и фразеологического, и в этом смысле нам близки, например, рассуждения Г. Е. Крейдлина об общности механизмов согласования смысла и коннотации в «кодифицированных сравнениях» и языковых метафорах [4, с. 125–139]).

Список источников и литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в системе современного русского языка. Волгоград: Перемена, 1993. 149 с.
2. Бродская Б. А. Метафорические связи слов в словарном гнезде // Актуальные проблемы русского словообразования : материалы республиканской науч. конф. (12-15 сентября 1972 г.). Самарканд, 1972. С. 276–288.
3. Валеева Л. В. О семантической аномалии в сравнении // Слово в словаре и дискурсе : сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. М.: Элпис, 2006. С. 414–415.
4. Крейдлин Г. Е. Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация / под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1990. С. 125–139.
5. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5. Новосибирск, 1976. С. 12–41.
6. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка. –СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
7. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) : сайт. М., 2003–2020. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 30.10.2020).
8. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимонантонимический). М.: Рус. словари : Астрель : АСТ, 2001. 800 с.
9. Огольцев В. М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Огольцев Василий Михайлович. Сыктывкар, 1974. 368 с.

10. Огольцева Е. В. Образный потенциал словообразовательной системы современного русского языка (отсубстантивное словообразование) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Огольцева Екатерина Васильевна. М., 2007. 491 с.
11. Ольховиков Д. Б. «Образность» как категория филологического описания текста // *RES LINGUISTIKA*: сб. статей к 60-летию проф. В. П. Нерознака. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 338–357.
12. *Русская грамматика [РГ]. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонации. Словообразование. Морфология.* М.: Наука, 1980. 783 с.
13. *Словарь русского языка [МАС]. В 4 т. М.: Рус. язык, 1981-1984.*
14. Телия В. Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* М.: Яз. рус. культуры, 1996. 288 с.
15. Телия В. Н. *Вторичная номинация и её виды // Языковая номинация (виды наименований).* М.: Наука, 1977. С. 129–221.
16. Черемисина Н. В. *Симметрия/асимметрия как глубинный универсальный закон языка и в различных отраслях знания // Человек. Язык. Искусство (памяти профессора Н. В. Черемисиной) : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 4-6 ноября 2002 г. М.: МПГУ, 2002. С. 59–65.*

References

1. Alefirenko N. F. *Frazeologiya v sisteme sovremennogo russkogo yazyka. [Phraseology in the System of Modern Russian Language].* Volgograd: Peremena Publ., 1993. 149 p. [In Russian].
2. Brodskaya B. A. *Metaforicheskiye svyazi slov v slovarnom gnezde. [Metaphorical connections of words in a dictionary nest]. Aktual'nyye problemy russkogo slovoobrazovaniya : materialy respublikanskoy nauch. konf. (12-15 sentyabrya 1972 g.) [Topical issues of the Russian word formation: Materials of the Republican research conference. (September 12–15, 1972)].* Samarkand, 1972. Pp. 276–288. [In Russian].
3. Valeeva L. V. *O semanticheskoy anomalii v sravnenii. [About semantic anomaly in comparison]. Slovo v slovare i diskurse: sbornik nauchnykh statey k 50-letiyu Kharri Val'tera.* Moscow: Elpis Publ., 2006. 836 p. [In Russian].
4. Kreidlin G. E. *Nekotoryye puti i tipy metaforizatsii slov v yazyke. [Some ways and types of metaphORIZATION of words in the language]. Tozhdestvo i podobiye. Sravneniye i identifikatsiya.* Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, 1990. 226 p. [In Russian].
5. Lukyanova N. A. *O sootnoshenii ponyatiy ekspressivnost', emotsional'nost', otsenochnost' [On the relationship between the concepts of expressiveness, emotionality, evaluativeness]. Aktual'nyye problemy leksikologii i slovoobrazovaniya.* Issue 5. Novosibirsk, 1976. Pp.12–41. [In Russian].
6. Mokienko V. M. *Slovar' sravneniy russkogo yazyka. [Dictionary of comparisons of the Russian language].* St Petersburg: Norint Publ., 2003. 603 p. [In Russian].
7. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYA) [Russian National Corpus].* Moscow: 2003–2020. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 30 October 2020) [In Russian].
8. Ogoltsev V. M. *Slovar' ustoychivyyh sravnenij russkogo yazyka (sinonimo-antonimicheskij). [Dictionary of Fixed Comparisons of the Russian Language: (synonym-antonymic)].* Moscow: Russkiye slovari Publ.,: Astrel Publ.: AST Publ., 2001. 800 p. [In Russian].
9. Ogoltsev V. M. *Ustoychivyye komparativnyye struktury v sisteme sovremennogo russkogo yazyka: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 [Stable comparative structures in the system of the modern Russian language: Thes. ... Cand. Philol. Sciences].* Ogoltsev Vasily Mikhailovich. Syktyvkar, 1974. 368 p. [In Russian].

10. Ogoltseva E. V. *Obraznyy potentsial slovoobrazovatel'noy sistemy sovremennogo russkogo yazyka (otsubstantivnoye slovoobrazovaniye): diss. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. [The figurative potential of the word-formation system of the modern Russian language (non-substantive word formation) Thes. ... Cand. Philol. Sciences]*. Moscow, 2007. 491 p. [In Russian].
11. Olkhovikov D. B. "Obraznost" kak kategoriya filologicheskogo opisaniya teksta ["Imagery" as a category of the philological description of the text]. *RES LINGUISTICA: sbornik statey k 60-letiyu professora V. P. Neroznaka [The collection of articles dedicated to the 60th anniversary of professor V. P. Neroznak]*. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN Publ., 2000. Pp. 338–357. [In Russian].
12. *Russkaya grammatika (RG). Tom 1: Fonetika. Fonologiya. Udareniye. Intonatsii. Slovoobrazovaniye. Morfologiya. [Russian grammar (RG). Vol. 1: Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 783 p. [In Russian].
13. *Slovar' russkogo yazyka v 4 tomakh [Dictionary of the Russian language in 4 volumes]*. Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1981-1984. [In Russian]
14. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 288 p. [In Russian].
15. Telia V. N. *Vtorichnaya nominatsiya i yeyo vidy. [Secondary nomination and its type]. Yazykovaya nominatsiya (vidy naimenovaniy) [Types of Language Nomination]*. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 129–221. [In Russian].
16. Cheremisina N. V. *Simmetriya/asimmetriya kak glubinnyy universal'nyy zakon yazyka i v razlichnykh otraslyakh znaniya [Symmetry / asymmetry as a deep universal law of language and in various branches of knowledge]. Chelovek. Yazyk. Iskusstvo (pamyati professora N. V. Cheremisinoy) : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 4-6 noyabrya 2002 g. [Person. Language. Art (in memory of Professor N. V. Cheremisina): materials of the International scientific-practical Conference, November 4-6, 2002]*. Moscow: MPGU Publ., 2002. Pp. 59–65. [In Russian].

Сведения об авторе

Огольцева Екатерина Васильевна –
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
(e-mail: tertiumcomp@mail.ru).

Information about the Author

Ogoltseva Ekaterina Vasilevna,
PhD in Philology, Associate Professor,
Professor of the Chair of Russian Language of
the Moscow State University of Education
(e-mail: tertiumcomp@mail.ru).